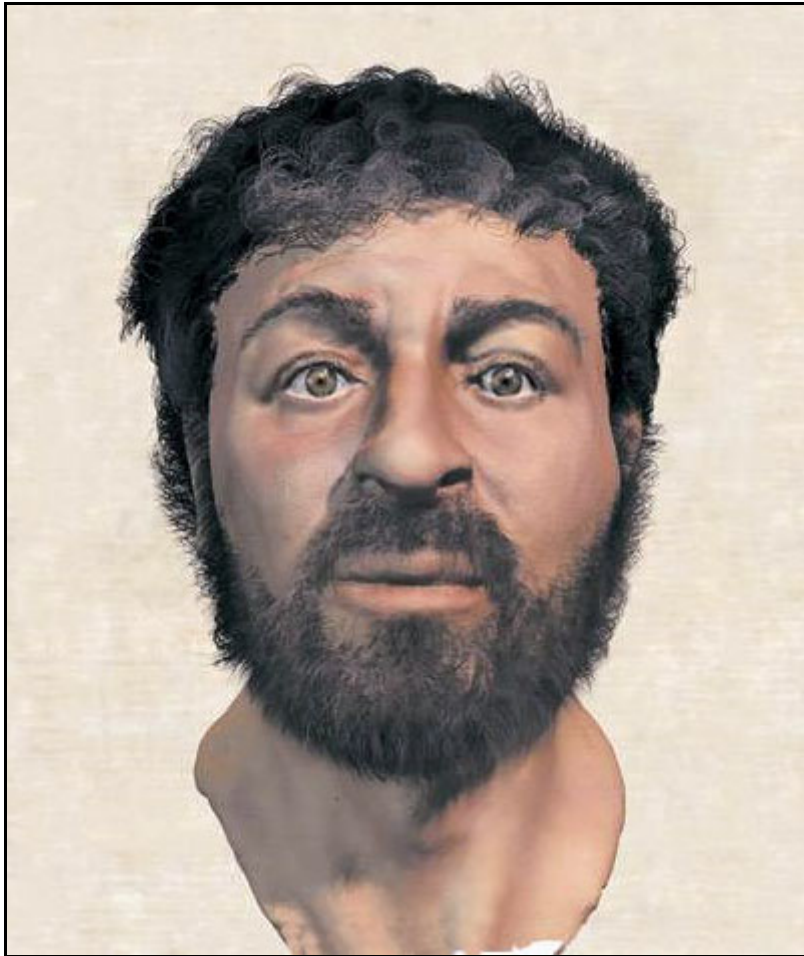

Проф. др. Ганс-Юрген Хагель

О НЕДОСТОВЕРНОСТИ ИУДЕО-ХРИСТИАНСТВА

Рабби Иешуа бар Аббас («Сын Бога»)

Образ Иисуса Христа в Евангелиях

Так как не существует никаких письменных свидетельств об Иисусе – на иврите его имя звучит как *Иешуа бар Иосиф (Иегова помогает, сын Иосифа)*, равно как нет и свидетелей, которые могли бы достоверно сообщить об его жизни, деятельности и смерти, подтвердив то, о чем рассказывают четыре сопоставленных «стандартных» (канонических) Евангелия от евреев Матфея, Луки, Марка и Иоанна (?), и учитывая, что даже в случае с самыми древними текстами речь идет о списках с копий, т.е. возникновение «документации» о «мессии» с именем Иисус в значительной мере скрывается во тьме, то наиболее важным историческим фактом является то, что с разрушением Иерусалима в 70 г. н.э. Титом, ставшим впоследствии римским императором, закончилась самая первая религиозная война в известной нам истории человечества.

Только после этого, примерно через сорок лет после распятия раввина Иисуса, возникла во многих аспектах противоречащая самой себе «документация», стоящая на пути чистой однородной интерпретации. При попытке восстановить историю человеческого земного существования *рабби Иешуа бар Иосифа*, прозванного Иисусом, опираясь на четыре *Евангелия*, речь в принципе ни в коем случае не может идти о передаче исторических объективно доказуемых событий, а только – как говорят сами теологи христианских церквей – о субъективном вероисповедании каждого из евангелистов.

Прежде всего, информацию, исходящую от евангелистов, определяет предсказанное пророком Исайей (ср. 7,14) более чем за пятьсот лет до того рождение «мессии». «Мессия» – это типично еврейское понятие, которое нельзя перевести дословно, а только описать по смыслу, и он, согласно библейским свидетельствам, должен происходить из дома *Давида и Аарона*. Уникальность «мессии» выражается также тем, что он как «помазанник» (на греческом языке: *christos* (Христос) означает помазанный) одновременно должен стать и светским царем и религиозным освободителем Израиля в одном лице. Этому пророчеству Иисус, как известно, не соответствовал, что, как само собой разумеется, не было доказано только с его распятием; не говоря уже о том, что сам *Иисус* недвусмысленно никогда не называл себя «мессией» в смысле еврейской Библии. С высокой вероятностью евангелисты также и поэтому делали все возможное в направлении сокрытия и подделки, чтобы отделить *рабби Иешуа* как ожидаемого ими «мессию» в его уникальной божественности от всех прочих людей и тем самым поднять его выше их. Только современная теология в сочетании с археологией, лингвистикой и историографией сделали возможными выявление бесчисленных намеренных подделок, включая неумышленные, обусловленные переводом ошибки в дошедших до нас текстах, в частности, в *Евангелиях*. Несколько особо четких примеров можно назвать показательными: так, евангелист *Лука* переносит рождение *Иешуа бар Иосифа* (Иисуса) в Вифлеем, городок в провинции Иудея, так как, по мнению иерусалимского духовенства, в провинциях Самария и Галилея вообще не жили никакие евреи, а «мессия», согласно пророчеству *Исайи*, должен был родиться именно в «еврейской земле». Дальше в *Евангелиях* – как и в *Деяниях апостолов* (2, 22) – можно прочитать формулировку «Иисус из Назарета», хотя в момент наступления нового века места с названием «Назарет» вообще еще не существовало. Как подтверждает история, оно появилось лишь 250 лет спустя. С другой стороны, евангелисты, однако, тоже говорят об Иисусе Назарянине. «Назарянин» могло быть близким по смыслу переводом, так как в греческом исходном тексте стоит слово *nazoraion* (например, *Матф. 2,23*) «назорей», «назореец» или «назарянин».

Своим утверждением о противоречащем природе «непорочном зачатии» евангелисты *Матфей* и *Лука* – а позже официально также и католическая церковь – потребовали от мира веры в невероятную догму (по-гречески слово «догма» означает *неопровержимый догмат веры*). Следующее положение

вещей лежит в основе этого догмата веры: Евангелист *Матфей* (ср. 1,23) однозначно ссылается на предсказание пророка Исайи, у которого говорится так: «се, Дева во чреве примет и родит Сына». В греческой формулировке текста Исайи в Септуагинте, вместо слова «дева» стоит слово «parthenos», и никто, очевидно, не попробовал (или не рискнул?) разобраться с написанным на иврите оригиналом относительно мнимого непорочного зачатия. Непорочное зачатие, в общем, это как раз не оригинальная формулировка Матфея, но он лишь цитирует Исайю 7,14, разумеется, исходя из греческого перевода, составленного еще в третьем веке до Рождества Христова.

В еврейском подлиннике у Исайи говорится вовсе не о «деве» (на иврите: *betula*), а о девушке, молодой женщине (на иврите: *alma*). В отличие от немецкого языка на иврите эти два слова звучат совершенно по-разному, что исключает возможность путаницы. Вымышленное рождение от девы естественно повлекло за собой и последующие искажения и подделки. Потому не вызывает удивления, что о членах семьи Иисуса сохранились только скудные и частично запутанные сведения. То, что у Иисуса были («сводные») братья и сестры, упоминается в евангелиях, но о происхождении его родителей уже умалчивают. Так, отец его Иосиф был раввином, его мать Мария дочерью раввина, а *Мария Магдалена*, согласно апокрифическому *Евангелию от Филиппа* была его «спутницей жизни». Само собой разумеется, что у этой супружеской пары было несколько детей; и только религиозный философ Шалом Бен-Хорин обратил внимание на то, что 2000 лет назад для не состоящей в браке еврейки совершенно невозможно было бы «месяцами сопровождать бродячего проповедника».

Дошедшие до нас в Библии Евангелия в течение почти двух тысячелетий так часто подвергались целенаправленным изменениям, что, прежде всего, из-за многих противоречивых слов «Иисуса как Христа» однозначное различие между иудейским-иеговистическим и нееврейским-христологическим мышлением связано с серьезными трудностями, иногда оно даже оказывается невозможным. Потому возникает оправданное подозрение, что как евангелисты, так и находившаяся в стадии появления «христианская секта» и ставшая позднее единственной истинной спасительницей римско-католическая церковь за три века внешних и внутренних конфликтов – не только по теологическим причинам, посредством намеренного искажения текста с самого начала позаботились о том, чтобы идейная или религиозно-идеологическая связь христианства с Моисеевым законом не пропала.

Следующее противопоставление выбранных противоречивых цитат из Евангелий должно подтвердить это подозрение:

Вот примеры как выражение типично иудейского иеговистического мышления: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить». (Матф. 5,17) «Не ходите к язычникам и не заходи-

те ни в какой из самаритянских городов. Идите прежде всего к погибшим овцам Израиля». (Матф. 10,5). «Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною». (Лука, 19,27). «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение». (Лука 12,51).

А вот примеры как выражение типично христологического неиудейского мышления: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». (Матф. 5, 43/44) «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». (Иоанн 14,6) «А фарисеи, услышав, что Он привел саддукеев в молчание, собрались вместе». (Матф. 22,34) «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете». (Матф. 23,13) Иисус говорил евреям: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». (Иоанн 8,43/44) «Впрочем никто не говорил о Нем (Иисусе Христе) явно, боясь Иудеев». (Иоанн 7,13)

Апостол Павел согласно Новому Завету

В Христианстве *Павел* на протяжении почти двух тысяч лет считается основным свидетелем того, что Иисусом был «Христом» для всех людей. Каждый, кто хоть немного знает о возникновении христианской религии и об институционализованной защитнице веры, «единственно истинной римско-католической церкви», знает также, что личное иррациональное переживание в приведенной в рациональную систему христианской вере происходит не от Иисуса, а от апостола Павла. Именно по этой причине вполне правомочен вопрос: что же мы, собственно, знаем о человеке по имени *Павел* (на латыни «Паулус» значит «малыш») и об его религиозном письменном наследии в форме тринадцати посланий. Первый, спонтанный ответ мог бы звучать так: речь идет о еврее, которого на иврите звали *Шаулем* («Возвышенный»), а по-римски Савлом. Он был одним из самых жестких преследователей первой общины «иудео-христиан», неподалеку от Дамаска якобы лично встретил Иисуса и был им «обращен», предпринял несколько миссионерских путешествий в Средиземноморском регионе общей протяженностью около 8 тысяч километров, и как пленник был приведен в Рим, где, как предполагается, умер примерно в 60 году нашей эры.

Эту первую информацию мы получаем не из свидетельств современников, а из Деяний апостолов авторства евангелиста *Луки*, которые, по оценкам, были написаны лишь примерно через двадцать лет после смерти *Павла*. Чело-

века, которого в вопросах веры больше всего интересуют наиболее исторически достоверные факты, это положение вещей определенно разочарует. Может ли сообщение, которое, помимо всего прочего, начинается с подробного описания физического вознесения *рабби Иисуса*, вообще иметь право на то, чтобы считаться достоверным историческим источником? Любая критика письменного документа должна начинаться с вопроса об его авторстве. Это, в применении к Деяниям апостолов, означает: они не были написаны ни самим *Павлом*, ни продиктованы им, не были написаны свидетелем-современником, даже не кем-то из людей, сопровождавших Павла в его апостольских путешествиях. В связи с этим неизбежно возникают и серьезные сомнения в достоверности информации *Луки*. Достаточно назвать некоторые из этих сомнительных моментов: обращение близ Дамаска, невероятные происшествия, которые тогда могли называться только чудом: быстрые излечения больных, освобождение из темницы с помощью ангела, спасение от поедания львами на римской арене, спасение после многодневного кораблекрушения и многое другое. Достоверность деяний апостолов в целом вызывает критику и вследствие того, что ни одно имя из упомянутых в них не появляется больше нигде в Новом Завете. (*То же самое касается и имен в посланиях Павла.*)

Также нет никаких свидетелей и самого знаменательного события в Деяниях апостолов, личной встречи и беседы Павла с *Иисусом*, на котором *Павел* строил свою христологию, и которое не одна только римско-католическая церковь считает святым. Непосредственно к этому относится также сомнение в подлинности данного ему поручения учить и обращать язычников, что могло быть только личной выдумкой *Павла*, так как подобным поручением *Иисус* противоречил бы самому себе. Остается лишь один факт, чрезвычайно знаменательный с точки зрения мировой истории, что *Савл/Павел* своим личным решением превратился из жестокого преследователя «поклонявшихся Иисусу иудео-христиан» в фанатичного сторонника и миссионера своей собственной христологии.

Из Деяний апостолов мы дальше узнаем, что *Павел* после своего выздоровления немедленно отправился в Иерусалим, чтобы по религиозным причинам встретиться там с главами тамошней общины иудео-христиан, *Петром* и *Яковом*, и там сразу начались жестокие споры, которые привели в дальнейшем к полному разрыву. Причиной было новое понимание *Павлом* понятия мессии. А именно: *Павла* вообще не интересовало (религиозное) учение и деятельность *рабби Иисуса*, а исключительно и только распятие и воскресение Иисуса как «мессии».

Длившиеся примерно десять лет конфликты закончились «апостольским собором» в 48 году н.э. и расколом на «иудео-христиан» и «язычников-христиан». С тех пор *Яков*, физический брат *Иисуса*, *Петр* и другие и дальше проповедовали «Иисуса-мессию» евреям в Палестине, а *Савл/Павел* пропо-

ведовал евреям и неевреям своего собственного «Христа» в прочем известном тогда мире. Приверженцев Христа в понимании учения Павла по-гречески теперь называли «christianoï» – «христиане», и так они называются и сегодня. В послании к воинственной горской народности галатам мы читаем, что *Савл/Павел* после получения своего «Откровения» не сразу направился в Иерусалим, а якобы на три года (!) уехал в Аравию. И какая информация теперь должна считаться исторически правдивой: написанная его собственной рукой или поведенная всей тогдашней мировой общественности евангелистом *Лукой* приблизительно через сорок лет? Какова степень достоверности, зададим мы себе следующий вопрос, у записанных слов и действий первого христианского миссионера и «теолога», если он утверждает, будто бы свои фарисейские познания он получил от одного из самых знаменитых ученых-книжников того времени (Гамалиила), но во всей антично-еврейской литературе нигде нет ни слова о мятежном «*ученике Гамалиила*»?

Другое сомнение касается утверждения в Деяниях апостолов, что *Павел* якобы был уполномочен арестовывать «иудео-христиан». По этому поводу еврейский религиозный философ Пинхас Лapid говорил, что у *Павла* не могло быть никаких прав на преследование «иудео-христиан», хотя бы потому, что Дамаск в то время не подлежал юрисдикции еврейского центрального управления, т.н. Синедриона. И, наконец, следует спросить: *Почему автор Деяний апостолов замалчивает все послания Павла? Может быть, он их не знал? Или он не упомянул их по определенной причине? Или этих тринадцати посланий вообще не было, и они происходили от совсем другого автора, который написал их намного позже?*

Вместо того чтобы подвергать дальнейшей негативной критике отдельные места в тексте Деяний апостолов, лучше процитируем лютеранского теолога Германа Детеринга: *«Деяния апостолов, как уже давно известно богословским кругам, во многих отношениях соответствуют в большей степени чудесному фантастическому роману чем историческому описанию, даже если их автор в предисловии принимает на себя вид историка и следует традициям античных историков в своем произведении. При отображении личности и деятельности апостола там чудесно и неразлично смешиваются земное и небесное, историческое и легендарное».*

Если сравнить Деяния апостолов с посланиями апостола Павла, то нельзя не заметить, что в них присутствуют очень существенные различия в подборе слов, манере выражения, стиле, и богословских высказываниях. Прежде всего, ввиду многочисленных противоречий в содержании возникает впечатление, как будто бы речь идет о двух различных *Павлах*. Интересующийся объективностью читатель посланий с удивлением заметит, во всяком случае, как хвастливо и заносчиво иногда автор изображает самого себя, что столь плохо «вписывается» в привычный образ христианского апостола, как он хвастается своими фантастическими действиями, рекомендует подражать своему об-

разу жизни без обычной христианской скромности, самыми злыми и грубыми словами ругает отдельные христианские общины, выдвигает совершенно различные с богословской точки зрения тезисы, и даже утверждает, что он якобы избежал растерзания львами на римской арене. Сверх того, не только сомневающийся христианин задался бы вопросом, как все же обстоит дело с подлинностью знаменитого послания к римлянам, если его автор незадолго до своего посещения Рима пишет одно из самых длинных писем во всей античной литературе, хотя знает, что ему скоро представится случай лично встретиться в Риме с «христианской общиной», и он пишет это письмо даже с ретроспективным взглядом на разрушение Иерусалима в 70 году, тогда как он сам к моменту этого разрушения уже десять лет как должен был бы быть мертв! Также хотелось бы спросить: Как в этот временной отрезок «вписывается» изгнание из Рима евреев и «христиан» императором Клавдием в 49 году н.э.?

Наконец, следует задать еще один вопрос: Почему ранне-христианская литература на протяжении более одного столетия молчит не только о претензиях Павла на божественный авторитет, но также и обо всей его апостольской деятельности? Даже у таких знаменитых античных авторов как *Плутарх* (умер в 120 году), *Павсаний* (умер припл. в 190 году), *Авл Геллий* (умер припл. в 170 году) и *Лукиан* (умер в 180 году) нет ни слова о «народном апостоле *Савле/Павле*». Решение загадки таково: все тринадцать посланий – фальшивки, написанные только в середине второго века от Рождества Христова. Теперь это единственная подтвержденная фактами историческая правда. Уже упоминавшегося теолога Германа Детеринга следует поблагодарить за то, что он в своей книге «*Фальшивый Павел*» привел и обработал неопровержимые документы. С убедительной логикой и научной точностью он подтверждает, что тот же *Маркион*, которого «римско-католическая христианская община» отлучила от церкви в 144 году, и он после этого основал собственную церковь, которая продержалась до шестого века нашей эры, прежде всего, в восточном Средиземноморье, с вероятностью, граничащей с полной достоверностью, как раз и был автором якобы написанных *Савлом/Павлом* писем. Разоблачение посланий Павла как подлога имеет в этом отношении еще одно значение, так как вследствие этого разоблачения самый поздний «святой документ» из двадцати семи отдельных письменных сочинений Нового Завета теряет право на непосредственное или косвенное апостольское авторство. Ведь речь идет, все же, о том же апостольском авторстве, которое первоначально было основной предпосылкой для их включения в письменный канон Нового Завета.

Христианство без собственной идентичности

Из-за многочисленных неизбежных противоречий между Новым Заветом или «христианской Библией» и «еврейской Библией» существует непреодолимая

пропасть, формальное преодоление которой в столь же малой степени может быть устранено идеологически-диалектическим логическим обоснованием, как и содержательная несовместимость «Иеговы» и «его едиnorodного сына» *Иешуа бар Йосефа*, названного «Иисусом Христом»: здесь жестокий еврейский «бог Иегова», там нееврейское «воплощение Христа»! Хотя «спасение» было центральным понятием в иудаизме того времени, но ни одному верующему еврею и в голову не пришло бы совершенно неиудейское понимание, что бог «Иегова» позволил бы убить своего единственного сына на кресте как преступника. Также и утверждение, что Ветхий Завет был якобы чем-то вроде первой ступени христианства, совершенно ошибочно. Так как, то «*что является христианским, никак нельзя усмотреть в Ветхом Завете*», как говорит, например, также известный исследователь раннего христианства Адольф фон Харнак. Кроме того, существует и вторая непреодолимая пропасть, а именно – между Иисусом Евангелия и Христом, провозгласившим церковь. Эту религиозно-духовную расселину Иоханнес Леман описывает такими словами: «*Если церковь и теология действительно имели в виду исторического Иисуса, то они должны были бы больше говорить о Боге и меньше о раввине И.. Вместо этого они «провозглашают» затемненного и искаженного, возникшего в истории и традиции «Христа», в котором раввин И. вообще не узнал бы себя или узнал бы с удивлением или с ужасом. Они говорят о Спасителе и о Воскрешенном; они называют его сыном Бога, который несет наши прегрешения; посредником, миротворцем и господом; еще сегодня они признают в своем символе веры, что он был рожден непорочной женщиной и вознесся на небеса, сев там одесную Бога – и ни в одном этом слове раввин И. не узнал бы себя и не сказал бы: – Да, это я».*

Предположение, что евангелисты с рождения стилизовали *рабби Иешуа* в образ сверхъестественной личности с парадоксальной двойной функцией как «*иудейского мессии*» и как «*нееврейского, греческого Христа*», нашло современное подтверждение, когда в «*Унифицированном переводе Священного писания*» 1980 года известные слова «*ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета*» (Матф. 26,28) приводится в сокращенной форме как «*сие есть Кровь Завета*». Комиссия переводчиков, состоящая из богословов и лингвистов под духовным наблюдением епископов (по-гречески: «*смотрители*») обеих церквей или конфессий, при передаче этого места в тексте Нового Завета очевидно ссылалась на еврейскую Библию (Вторая книга Моисея. Исход, 24,8), где сказано: «*И взял Моисей крови (после жертвы всесожжения) и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих*».

Без сомнения, Иисус со своими «двенадцатью апостолами» говорил по-еврейски или по-арамейски, но уж точно не на греческом языке, языке оригинала *Евангелий*. Как часто бывает, здесь возникает неразрешимая проблема. У трех евангелистов *Матфея, Луки и Марка* единогласно именно по «подстрочному переводу» дословно речь идет о «*aima mou tes diathexes*», что

означает «*моя кровь*» или «*кровь моя*» «*Завета*». Передача этого вероятно самого важного высказывания Иисуса без слова «*мой*» может быть только целенаправленной подделкой и не допускает по этой причине никакой другой интерпретации кроме той, что *Иисусу как Христу* [!] по поводу учреждения «причастия» на Святой вечере впоследствии будет приписана мысль, которая пришла в голову не ему и была высказана не им, а основателем религии иудеев Моисеем примерно за 1200 лет до него. Таким образом, сама церковь, опустила своего «Христа» до уровня кого-то вроде помощника Моисея и, тем самым, предала его. Едва ли можно найти более отчетливое выражение даже сегодня еще очевидно желаемого (религиозного) соединения «Нового Завета» с «Законом Моисеевым». Или же все ответственные за перевод епископы не доверяют сообщениям трех синоптических *Евангелий*?

От религиозной веры к политической власти

Чрезвычайно длинный период в три века, то есть, от распятия рабби *Иисуса* до собора в Никее в 325 году, потребовался для построения догматического символа веры, что свидетельствует не только о горячих богословских дискуссиях, да, даже о спорах внутри «христианской секты»; и духовная борьба, несомненно, продлилась бы еще дольше, если бы император Константин в самом буквальном смысле не водрузил бы корону на подделку «раннего христианства», подняв тем самым «христианскую секту» на уровень государственной религии.

Как могло дойти до этой уникальной в мировой истории связи, даже сцепления государства и «религии», так что историки, и не только они, на протяжении веков вынуждены были говорить о государственном христианстве вместо христианского государства или, после распада мировой Римской империи, соответственно о государствах, подпавших под влияние христианской религии? Опирающийся на исторические знания и потому достоверный ответ на этот вопрос звучит так. Население тогдашней мировой Римской империи примерно в 300 году нашей эры составляло около 50 миллионов человек, из которых самое большее 15 миллионов, то есть почти 30%, были «христианами». Эти «христиане» были рассеяны по всему Средиземноморью, т.е. по многим странам. Они хоть и образовывали меньшинство без управления и влияния и из-за их ритуалов частично подвергались преследованию со стороны государства, но, с другой стороны, пользуясь современным лексиконом, представляли собой большой потенциал избирателей. Император Константин был жестоким политиком и столь же безжалостным агрессором, захватившим много земель для своей империи в ходе своих военных походов. Потому ему пришлось стараться в возможно большей степени избавить свое огромное государство, протянувшееся от Шотландии до «Малой Азии», от каких-либо внутренних конфликтов, чтобы оно сравнительно быстро не развалилось снова. Потому ему было совсем не нужно, чтобы около четверти его населе-

ния оказалось его противником или даже врагом, и преследовать этих людей лишь потому, что они не хотели признавать божественные государственные символы. Сохранилось письмо императора некоему Ануллину, в котором Константин поясняет, что побудило его к терпимости по отношению к «христианской секте». Среди прочего, в этом письме сообщается, что *«неуважение к христианскому богослужению означало бы для государства большую опасность, его возобновление и благожелательность к нему, напротив, принесли счастье и благодать»*. Таким образом, именно политически зрелая воля привела Константина к церкви, а не набожность в его сердце, как считали последующие поколения.

Между тем «христианская секта» за три века все более превращалась в иерархически организованную церковь, и, наконец, представляла настолько большую власть, что при определенных обстоятельствах она могла вызвать падение империи. Поэтому Константину было необходимо поддерживать союз с этой силой. С его точки зрения политической целью могло быть только огосударствление христианства, а не христианизация государства. Как стало возможным, что те, кто как раз недавно были готовы стать религиозными мучениками, противясь обожествлению государства в римском смысле, теперь внезапно подчинились императору, которого его панегиристы все еще осыпали божественными атрибутами, и который, пока еще строил храм, позволял называть себя заместителем Христа – такой вопрос мы должны задать вместе с Иоханнесом Леманом.

Когда император Константин в 324 году после войны овладел также Восточной Римской империей, он сразу позаботился об улаживании чреватого последствиями спора в египетском городе Александрии. Речь там шла о чрезвычайно важной проблеме: хотело ли «христианство» в дальнейшем придерживаться введенного *Моисеем* иудейского монотеизма, из которого произошел также и сам *Иисус*, или должно было быть введено учение о трех богах. Если спросить точнее: Был ли иудейский миссионер *Иисус*, которого триста лет до того объявили «Христом» сам Богом или нет? Согласно наличествующим «христианским» текстам источников, собранных некими «отцами церкви» и объявленных ими каноном, он таковым не являлся. *Савл/Павел* и четыре евангелиста называли его только «Сыном Божьим». Это наименование означало, тем не менее, в те времена не что иное, как то, что у человека было особенное отношение к «Богу». Никогда, во всяком случае, сам Иисус не представлялся как Бог. Это и без того было бы наихудшей клеветой, так как для евреев был и всегда есть только один Бог с различными именами *Яхве, Иегова, Адонай* и *Эль Шаддай* и др., которого умирающий на кресте Иисус доверительно называл «Абба» («папа»). Даже если мы считаем одно из предполагаемых последних слов умирающего Иисуса правдивым, как они добросовестно (?) переданы библейскими евангелистами, которые сами не были свидетелями происходившего, из них нельзя вывести понятие «сына

божьего» в смысле тождества. Доказательством этого могут служить соответствующие цитаты:

Евангелие от Иоанна 19,30: *«Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух»*. Евангелие от Луки 23,46: *«Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух.. И когда он говорил это, он покидал мир»*. Евангелие от Матфея 27,46 и Евангелие от Марка 15,34: *«а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»*

Идея Троицы, то есть, «божественного триединства Бога отца, сына и святого духа» – идея отнюдь не еврейско-христианского происхождения, но мы находим ее в истории, как доказано, уже на много веков раньше. К примеру, индийские «религии» знают «триединого Бога», греки ввели принцип святой троичности среди своих богов; Марциал, римский поэт, живший примерно в 38-102 годах после н.э., называл *Гермеса Трисмегиста* – Гермеса трижды величайшего, который был «совсем один и трижды один»; культ Дионисия знал тройственность *Загреи, Фанеса и Диониса*, а в тогдашней Италии *Юпитер, Юнона и Минерва* рассматривались как единство, и так далее. Ориген, самый значительный христианский теолог первых трех столетий, еще учил, что Иисус Христос не был могущественнее своего отца, а уступал ему в силе: *«Мы учим этому, так как верим его собственным словам, где он говорит: «отец, пославший меня, больше меня»*. (Иоанн, 14,28)

В Никее в 325 году состоялось самое большое собрание, которое знало христианство или «христианская секта» до того момента. Более трехсот епископов из примерно одной тысячи, которые были в гигантской империи, собрались там по приглашению императора. Евсевий Кесарийский (примерно 265-339) написал не только первую историю церкви этого «христианства» и биографию императора Константина, но и протокол собора. (*Сегодня в церковных кругах говорят о конференциях епископов и синодах.*) Из протокола мы узнаем, в частности, что император появился в византийской пышности, и что оплаченные (!) панегиристы описывают его выход словами: *«Как ангел Бога сиял он в пламенном жаре пурпура и блеске золота и драгоценных камней. Он превосходил всю свою свиту величиим, красотой и честью (...) Он прошел до самого первого ряда мест, где посреди собрания для него было предоставлено золотое кресло. (...) Константин произнес речь и взывал к миру и согласию»*. Его метод добиться мира, был прост. Письма с жалобами и полемическим содержанием он приказал сжигать, чтобы споры среди священников остались неизвестными прочим людям. И в остальном император постоянно вмешивался в переговоры, хотя он вовсе не председательствовал на Соборе. Основной спор шел о единственной букве, о «і». Уже упомянутый Евсевий Кесарийский как раз зачитал собору крестильный символ веры своей общины, где, среди прочего, *Христос* обозначался как «первороденный»

и «единорожденный», который до всего времени был «рожден» отцом. «Веруем в «господа Иисуса Христа», слово Божье, Бога из Бога, света из света, жизнь из жизни, единственного рожденного сына, перворожденного всего творения, порожденного отцом, родившегося до всех эонов...» Присутствующие епископы договорились об этих формулировках. Тут внезапно вмешался император и потребовал к удивлению участников собора абсолютно новое определение. У него было для этого греческое слово, которое еще не упоминалось на соборе: «*homousios*» (единосущный). В данном случае сие означало, что раввин *Иисус* как «Христос» был единой сущностью с Богом, то есть, что он и сам был Богом. Но как раз это отрицали приверженцы пресвитера (по-гречески: старейшина ранне-христианской общины) Арий из Александрии. Для Ария раввин *Иисус* был только лишь самым благородным, самым высшим из всех существ, «*homoiousios*» (подобосущный), что значило «творение только богоподобное». От одной буквы «*i*» зависело, хочет ли христианство в виде будущей «единственно истинной римско-католической церкви» придерживаться высказываний апостола *Савла/Павла* и четырех (канонических) евангелистов *Матфея, Луки, Марка и Иоанна* о человеческом бытии еврейского «мессии», или что процесс подделки будет доведен до апогея с помощью чего-то вроде решения суда об объявлении человека Богом. Иначе говоря, от одной буквы «*i*» зависело, отделится ли единственно истинная римско-католическая церковь от одного Бога (*Иеговы*), в которого, очевидно, верил также раввин *Иисус*, т.е. отделится ли она от иудаизма или нет. Никейский собор решил так, как хотел император Константин: через триста лет после распятия раввина *Иисуса* он сделал из миссионера Бога, «*homousios*», единосущного с Богом. 19 июня 325 года, через четыре недели после начала собора, по приказу императора Константина все присутствующие епископы должны были подписать это решение. Дополнительно у Йоханнеса Лемана можно прочесть, что император Константин после собора написал письмо общине в Александрии, в котором в том числе сообщается: «*Согласие трехсот епископов – это не что иное, как приговор Бога*»; но это был как раз достигнутый путем манипуляций императора «приговор Бога»: из 1000 епископов его империи он пригласил только 300; вероятно, тех, которые меньше всего оказывали бы сопротивление. «Оказалось», что почти все они происходили как раз из захваченной Восточной империи и были жителями Востока. Из всей Западной Европы прибыли только семь епископов. Тогдашний Папа Римский по имени Сильвестр вообще не появился в Никее, а только прислал из Рима двух своих представителей. После этого псевдоголосования дорога была окончательно открыта для внешне неоспоримой формулировки Символа веры, в котором еще не упоминается, что интересно, «рождение от девы», что было исправлено, скорее всего, в более поздних дополнениях, так же как недостающее указание на распятие во времена Понтия Пилата, которое ради того, чтобы угодить императору или по его требованию сначала выпустили, ибо иначе вина за смерть Иисуса однозначно падала как раз на тех самых римлян, императором которых и был Константин.

Овцы преследуют волков

«Факт, что христиане частично преследовались в Римской империи, не может вести к предположению, что «Старый мир» был нетерпим по отношению к исповеданию какой-либо религии», писал швейцарский теолог Роберт Кель. На самом деле, было как раз наоборот. И древние греки, и римляне были гораздо более терпимы к другим верам, чем христиане. Причиной этого, прежде всего, была практика уважения их собственных богов, политеизм (по-гречески – многобожие). Более глубокая подоплека этого толерантного отношения римлян – как всегда, когда она принята у народа – по отношению к каждой религии образовывала традицию привычных обычаев. Таким образом, римляне первоначально считали, к примеру, что римский гражданин мог почитать только своих собственных, т.е. римских богов, что, с другой стороны, естественно, означало, что и другие «государства» и «города» почитали других богов. Поэтому каждый человек должен был почитать богов своей родины, ибо только тогда общество могло бы быть сильным и благословленным. Эта вера, естественно, полностью противоречила принципам иудаизма и, таким образом, также и «христианской секты». Другое предубеждение римлян по отношению к «христианской секте» основывалось на страхе, что боги отечества могли бы отомстить, если бы положенная им честь не досталась им в форме традиционного культа. Кроме того, римляне опасались, что у государства могли бы возникнуть определенные опасности из-за новых религиозных культов; так как неуважение к римским богам в те времена значило одновременно и неуважение к самому государству. В этой связи нужно вспомнить, что продолжавшаяся более двух веков римско-иудейская война закончилась только в 70 году н.э. разрушением Иерусалима Титом, а «христианская секта», изначально состоявшая только из евреев, все больше и больше распространялась среди неевреев. Так как евреи считали всех других богов, кроме своего бога «Иеговы», простыми химерами (*чудовищами из древнегреческих мифов*) или злыми демонами, то это было ударом по жизненному нерву римского государства, и оно отреагировало соответственно: началась первая религиозная война в мировой истории.

В античном мире многие религии сосуществовали в явной гармонии, и только «христианство», (предполагаемая) религия любви к ближнему и к врагам [!], разрушило эту гармонию и привело к религиозному разладу, почти неизвестному досель в античности. Одним из факторов, способствовавших многовековому религиозному миру, было то, что практикуемые в пределах мировой Римской империи религия и культы не знали догмы, то есть, в них не было никакого обязательного для всех категорического учения. Разрушительный характер «христианской секты» по отношению как к римскому государству как таковому, так и к греко-римской культуре в целом состоял в ее претензии на абсолютность, причем не только в религиозных вопросах. Несмотря на это, римские императоры, однако, не мешали «христианам» на протяжении целых 250 лет, а некоторые императоры их даже защищали. У уже цити-

ровавшегося швейцарца Роберта Келя в связи с жестокими преследованиями, на которые до сих пор жалуются многие христиане, мы читаем: *«С точки зрения исторического понятия под этим как раз подразумевается, что в случае данного образа действий речь шла либо о наказании христиан за то, что они были христианами, либо за исповедание и распространение их религиозных принципов, или о мероприятиях в целях подавления или, по крайней мере, ограничения христианства. В данном случае неверно ни то, ни другое»*. Далее следует заметить, что к заведомому искажению истории «раннего христианства» (времени до Никейского собора) относится также и утверждение, что римские императоры-язычники якобы были в большей или меньшей степени переполненными ненавистью чудовищами. В действительности большая часть императоров были настроены по отношению к христианам доброжелательно. Большинство из них были скорее их защитниками, чем преследователями. С возвышением религиозного содержания «христианской секты» до уровня римской государственной религии было осуществлено ее первое тайное притязание на власть, так как только что сформулированное вероисповедание получило еще дополнение в виде угрозы наказания. Это дополнение звучало: *«Но тех, которые говорят: - Было время, когда его не было, и: - Прежде чем он появился, его не было, и: - Из небытия он был создан, и тех, которые утверждают, что Сын Божий был либо из другой сущности, либо создан или непостоянен или изменен – тех проклинает Католическая церковь»*. Решение включить учение о триединстве в Символ веры появилось не просто так. Оно было последствием теологического мышления в смысле намеренной, не подлежащей непосредственной проверке конструкции и не выводится, прежде всего, из письменных источников т.н. «Нового Завета». Потому следует особо подчеркнуть, что с догматизацией рабби Иисуса к «уникальной божественности Христа» теология начала обособляться, становиться независимой. На языке нашего времени это можно было бы назвать «идеологизацией религиозной веры». Хотя теологи утверждают даже еще сегодня, что они ориентировались исключительно на Библию, но они к ее источникам подходят с непоколебимыми предубеждениями и выбирают из них то, что они сами желают в них вычитать. Относительно формулы троицы «Бога Отца, Сына и Святого Духа» американский теолог Хью Дж. Шонфилд говорит, что она была *«Ухудшением при попытке улучшения вероучения Павла»*; в то время как Гёте более тактично выразил это в поэтической форме: *«Пречист был Иисус и был покорен лишь Богу одному Единому; тот, кто сделал его самого Богом, оскорбил его священную волю»*.

Уже через 16 лет после Никейского собора началась эпоха самых ужасных и продолжавшихся столетиями преследований язычников и еретиков, когда император Константин II по прозвищу «Nostra Mansuetudo» (на латыни: *Наша кротость*) издал эдикт, который совершенно должен был уничтожить религию отцов. Только что на государственном уровне признанная свобода вероисповедания для «христиан» превратилась в намерение искоренить какую-либо конкуренцию. За этим эдиктом 341 года 27 марта 380 года после-

давал закон, изданный обоими правящими в то время императорами – Грацианом (Западная Римская империя) и Феодосием (Восточная Римская империя), и имевший, по меньшей мере, столь же роковое значение, как и закон, объявивший христианскую веру государственной религией: *«Мы хотим, чтобы все народы, которые управляются нашей милостью, жили в религии, которую божественный апостол Петр, как указанная им религия доказывает до сих пор, передал римлянам. Мы повелеваем, что те, которые следуют этому закону, могут иметь право на то, чтобы именоваться «католическими христианами», другие, однако, которых мы считаем сумасбродными и безумными, придерживаются позора еретической догмы, и поэтому их места собраний не могут называться «церквями», и их сначала постигнет божье наказание, а затем также и месть нашего заступничества, которое передано нам волей небес».*

Следующего апогея преследования достигли в шестом веке, когда христианский император объявил всех язычников лишенными собственности и прав, чтобы они *«лишенные всего добра были доведены до нищеты».* Что последовало за этим, хорошо известно: жестокое расширение христианской веры в Центральной и Северной Европе, названное церковью миссионерством, и связанная с этим переоценка всех ценностей в смысле соотношения всех видов содержания человеческого сознания, то есть, либо они объявлялись неважными, либо их полярность изменялась, по меньшей мере, в содержании и значении – жизнь и смерть принадлежат «Господу»; существует связанное с «Христом» мышление и действие; дальнейшее совершенствование и развитие индивидуальной души существует в столь же малой степени, как созидательная вселенная. Жизнеутверждение превращается в свою противоположность, в отрицание жизни. Каждая попытка человека, как связанного с общностью живого существа, тем не менее, самостоятельно объяснить и строить свою жизнь, рассматривается в качестве непростительного греха, переводится в «потусторонний мир» и зависит исключительно от милости «Господа». Совесть, свобода, любовь, ответственность, верность и честь, а также достоинство совместной жизни в форме брака, семьи и народа теряют их прежнее жизненно важное значение: со времени «жертвенной смерти Христа» они абсолютно недействительны. Искусства допущены только в том отношении, когда они служат прославлению Бога (*Иеговы*). Естественные науки и философия недопустимы вне церковно-христианского мышления. Вообще, все мышление запрещено, если оно не происходит в «христианском духе». А то, что является «христианским», а что нет – определяет церковь. Следовательно, нужно безоговорочно согласиться с французским социологом Альбером Байе, писавшим: *«То, что, по сути, победило с церковью четвертого столетия, это не представление о справедливом и добром Боге, не идея освобождения, так как все эти представления были уже также и в других религиях; это победила нетерпимость, которая подчиняет права духа правам меча. Эти оба принципа самым ужасающим образом тяготят и над нашим временем».*

Но еще двумя веками раньше прусский король Фридрих Великий, прозванный также «Старым Фрицем», не зная, разумеется, результатов исследования Библии девятнадцатого и двадцатого веков, в своем завещании, которое он писал для наследника своего престола, охарактеризовал сущность этого христианства следующими словами: *«Христианство, старая метафизическая сказка, полная чудес, противоречий и абсурдов, вытекшая из силы пламенного воображения Востока, распространилось по Европе. Мечтатели принесли его в народ, честолюбивые для виду позволили себя убедить, наивные в него поверили, и таким образом эта вера изменила облик мира».*

Прим. ред. ВС.: Эта статья является сокращенным изложением и не содержит библиографии и примечаний! Она была опубликована в журнале «Элементы» №7 2007 г. Перевод с немецкого 2011 г.

Библиотека Велесова Слобода, 2011 г.